

ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНІЕ ВОИНОВЪ ПОСЛѢ БОЕВЪ.

(Военно-психологическое изслѣдованіе).

Современные бои съ примѣненіемъ усовершенствованныхъ машинъ для взаимнаго истребленія человѣка предъявляютъ къ здоровью участниковъ сраженій такія тяжелыя требованія, что обыкновеннаго напряженія силъ, напряженія, обычнаго для насъ въ мирное время, здѣсь становится недостаточно. Отъ каждаго воина въ бою требуется проявленіе особыхъ усилій и особаго напряженія силъ не только физическихъ, но и психическихъ.

Въ настоящіе бои требуется, чтобы воинъ проявилъ въ своей боевой дѣятельности такое напряженіе силъ, такую исключительную дѣятельность и плодотворность работы въ тяжелыхъ условіяхъ боевой жизни, чтобы это напряженіе, дѣятельность и достигнутые результаты удивляли насъ современниковъ своей исключительностью. кажущейся невозможностью и плодотворностью. ¹⁾

¹⁾ Опредѣленіе героизма—по Киркову. Военная педагогія, пер. съ болг. 1913 г.

А такъ какъ крайнее напряженіе нервно-психическихъ силъ и вообще здоровья не проходятъ для человѣка совершенно незамѣтно, то и подобное героическое напряженіе силъ и здоровья въ бою, уже предположительно можно сказать, не пройдетъ для здоровья участниковъ въ бою совершенно безслѣдно.

Какъ для опытнаго механика, знакомство съ отработавшей машиной при разсмотрѣніи ея составныхъ частей даетъ прочное основаніе къ сужденію о порчѣ тѣхъ или другихъ основныхъ частей, а отсюда и о силѣ бывшей работы, такъ и для психологовъ-психіатровъ разсмотрѣніе человѣка-воина послѣ боевъ, знакомство съ отправленіемъ его нервно-психическихъ функцийъ даетъ основаніе къ сужденію о тѣхъ измѣненіяхъ въ организмѣ человѣка, которыя произошли отъ напряженій нервно-психическихъ силъ въ бою, и отъ этихъ измѣненій придти къ заключенію, какъ о бывшей причинѣ этихъ отклоненій, такъ и къ предположенію необходимыхъ мѣръ для возстановленія полного здоровья—въ смыслѣ ли необходимаго отдыха и только, или даже леченія.

Знанія о нервно-психическомъ здоровьѣ человѣка-воина послѣ боевъ, или какъ называютъ проще, знанія о душевномъ состояніи послѣ боевъ мы не имѣемъ. Ни психологическая, ни медицинская литература почти не касалась этого вопроса. А между тѣмъ это познать весьма интересно и цѣнно.

Цѣнно не только какъ простое любопытство и любознательность, но цѣнно для военной медицины при опредѣленіи состоянія здоровья воина во всѣ фазы сраженій, цѣнно и для военной психологіи, давая помимо психологической характеристики—познанія о томъ, что можно и должно предъявлять къ воину послѣ боя въ мѣрѣ его силъ и здоровья.

Тѣ скудныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ я имѣю высказать сужденіе о душевномъ состояніи воиновъ послѣ боевъ, я черпаю частью изъ лично мною собранныхъ свѣдѣній во время Русско-японской войны, частью изъ появившейся въ итальянской военной литературѣ сводки наблюденій послѣ Триполитанской войны.

Привожу эти данныя съ обращеніемъ вниманія на нарушеніе тѣхъ или другихъ нервно-психическихъ функцийъ въ организмѣ воиновъ послѣ боевъ, выдѣляя эти нарушенія для яркости *курсивомъ*.

Rivista militare italiana ²⁾: «Послѣ крайняго напряженія

---

²⁾ Мартъ 1914 г. Привожу по конспективному переводу въ журн. «Военный Сборникъ». Июль. 1914 г.

(нервно-психическихъ силъ въ бою) наступаетъ періодъ характерной сонливости и безсознательнаго состоянія. Умственные способности вступаютъ затѣмъ въ свои права постепенно, возвращается самообладаніе и способность распознаванія людей и предметовъ. Состояніе духа ни веселое, ни грустное; чувствуется лишь необходимость отдыха.

Этимъ не кончаются, однако, боевые впечатлѣнія; остается еще пережить тягостное послѣ боя дѣйствіе: перекличку. Находящіеся въ строю *отвѣчаютъ какимъ то страннымъ голосомъ*. На многія имена часть отвѣчаетъ молчаніемъ, которое охватываетъ сердце холодомъ. На заданные вопросы слѣдуютъ слова: «убитъ», «раненъ». Слова эти *произносятся отрывисто, глухимъ голосомъ*, какъ бы шопотомъ; кажется, что отвѣчающій чувствуетъ какую то неловкость за себя, оставшись невредимымъ. Никому не приходитъ въ голову *спросить о какихъ либо подробностяхъ*, да и *силъ на то не достало бы*; все узнается потомъ; важнѣе всего покончить поскорѣе тягостную порекличку.

За обѣдомъ люди сходятся вновь. Они *смотрятъ разсѣянно; говорятъ мало; глаза невольно обращаются на пустыя мѣста*, гдѣ утромъ, всего лишь нѣсколько часовъ назадъ сидѣли здоровые и веселые не думавшіе объ опасности люди, съ которыми обѣдающіе спокойно разговаривали и которыхъ они больше никогда не увидятъ.

Наступаетъ *ночь*, но она *не даетъ забвенія* потерь и *не приноситъ освѣжающаго сна*. Послѣ кровопролитнаго сраженія участники его надолго лишаются спокойнаго отдыха; *сонъ ихъ неспокоенъ и полонъ кошмаровъ*: имъ снятся ихъ израненные павшіе товарищи...

Данныя изъ Русско-японской войны:

Послѣ сраженій.

Общій видъ и поведеніе.

Окончился бой. Идетъ офицеръ съ поля сраженія на отдыхъ. Придя сядетъ куда либо въ сторонку и *сидитъ молча. Глаза широко открыты*; самъ онъ большей частью *блѣдный*; *сидитъ, не глядя на другихъ*, и какъ будто *о чемъ то думаетъ*. По сторонамъ не глядитъ; *на вопросы не отвѣчаетъ*; а, склоня голову немного книзу, *смотритъ неподвижно въ какую либо точку*; сидитъ и *глубоко вздыхаетъ*.

Ты что тутъ съль? спросишь, «а такъ». Ты что нейдешь туда къ своимъ? Не надо. Иди обѣдать! Не хочу. И все такъ. На всякій вопросъ *односложный отвѣтъ* и та же, что раньше, *неподвижная поза*.

Потомъ, дня *черезъ 2—3* *начинаетъ охотный вставать*, охотнѣй *говорить*; *начинаетъ ѣсть* и недѣльки черезъ двѣ снова *приходить въ себя* и снова *жить*, какъ бывало прежде.

Усталость и раздражительность.

Послѣ перенесеннаго боя, испытавши тягости (ужасы) войны, оставшись цѣлымъ послѣ томительныхъ часовъ ожиданія неминуемой смерти, боецъ *приходить къ своей кровати* и первымъ дѣломъ *стремится лечь и отдохнуть*. *Желаніе лечь*; закрыть глаза и *ничего не видѣть*; *никого не слышать*; полное *нежеланіе поддерживать разговоръ*. Чтобы никого не видѣть, можно закрыть глаза, но чтобы не слышать, заткнуть уши трудно. И вотъ на этой почвѣ — на почвѣ: «перестать говорить», «замолчать», «не раздражать разговорами» происходятъ нерѣдкія *ссоры и недоразумѣнія*, доходящія до крупной брани и взаимнаго огорченія. Даже человекъ, равнодушный къ бою, относящійся къ явленіямъ въ бою болѣе или менѣе хладнокровно, не терявшійся на полѣ сраженія, и тотъ послѣ этого всегда *ложится отдыхать*, чувствуя въ себѣ *усталость*.

По признанію врача, — онъ послѣ боевъ всегда чувствовалъ себя *усталымъ и измученнымъ*. И вотъ въ это время *приходить къ нему*, говорилъ онъ, больной солдатъ, «Ваше Б-родіе, животъ болить. — Ну, братецъ, какъ тебѣ несовѣстно беспокоить. Видишь ты, что и я усталъ; дай же отдохнуть. — Дая, Ваше Б-родіе, не покоилъ бы, да животъ то ужъ очень болить».

Обыкновенно не отказываешь; помощь окажешь; но желаешь, какъ бы не встать съ кровати и нельзя ли такъ отпустить больного, чтобы не измѣнить своего лежачаго положенія.

Раздражительность, граничащая съ преступленіемъ по службѣ.

Душевное состояніе больныхъ, прибывшихъ изъ Мукденскаго боя въ госпиталь № 13 — въ Ця-дзя-гоу, было тяжелое. ³⁾ Съ виду *хмурые, малоразговорчивые, раздражительные, недовольные*.

³⁾ Замѣтка изъ дневника автора.

Больные проявили нѣсколько случаевъ незаслуженной *грубости* къ сестрамъ милосердія, врачамъ палатнымъ и даже къ старшему врачу. Больной Б. съ грубой руганью набросился на главнаго врача и, крича, ругалъ, зачѣмъ не даютъ ему покоя и дѣлаютъ каждый день перевязку. (Была небольшая рана съ нагноеніемъ, и ежедневная перевязка была необходима).

Поднялся вопросъ, какъ поступить съ такимъ проявленіемъ грубости по отношенію къ начальству. И отвѣтъ далъ старшій ординаторъ (Адамсонъ), «Оставьте ихъ въ покоѣ; вѣдь, *они народъ усталый, раздражительный*».

Постарайтесь сказать 40-лѣтнему бородачу: «а что, братъ, усталъ; отдохнуть хочешь» и скажите чуть-чуть помягче, всмотритесь и увидите, какъ у такого старика на глазахъ заблестятъ *слезы*. Что тутъ взыскивать?

Слезы.

Въ полку, въ которомъ я служилъ, говорилъ врачъ, всѣ офицеры жили дружно. Въ часы досуга всѣ офицеры собирались вмѣстѣ и веселились—кто во что гораздъ; кто въ винтъ, кто въ преферансъ, а кто и за монополкой проводили время.

Въ сраженіи при Шахѣ, нашъ полкъ участвуя потерялъ больше половины то убитыми, то ранеными; тотъ же, кто остался живъ, *конечно, истрепался нервами ужасно*.

Послѣ боевъ полкъ получилъ отдыхъ и поэтому былъ переведенъ подальше отъ передовыхъ линій. Оставшіеся въ живыхъ офицеры собрались вмѣстѣ человекъ около десяти и пришли ко мнѣ, врачу, въ гости.

Давно я не видѣлъ своихъ сотоварищей всѣхъ вмѣстѣ, а потому, когда они пришли, былъ очень обрадованъ. Я ласково встрѣчалъ каждого; называлъ уменьшительными именами, иногда трепалъ по плечу. По принятому обычаю, досталъ водки, поставилъ на столъ передъ каждымъ рюмки и, наливъ въ нихъ водки, разложилъ передъ гостями закуску.

Я былъ радъ имъ, а поэтому не переставалъ выражать свое настроеніе или ласковымъ обращеніемъ, или просьбой подѣлаться ближе, рассказать какъ жилось на позиціяхъ и какъ ихъ здоровье? Гости взяли по налитой рюмкѣ, поднесли ихъ, чокаясь, къ моей и, прежде чѣмъ выпили за здоровье хозяина, *заплакали. Слезы ручьемъ потекли изъ глазъ*. Я взглянулъ одному въ глаза, пла-

четь, другому... плачетъ, третьему... плачетъ. И всѣ десять держа въ рукахъ невыпитыя рюмки горько плакали. Они не всхлипывали; не было и обычныхъ при плачѣ подергиваній, но слезы текли, текли невольно, и они, видимо, не могли сдержать ихъ. Что случилось? Почему они расплакались? Вѣдь, я ихъ не обидѣлъ...

Слезы. Разбитость. Кошмарный сонъ.

А это оттого, сказалъ сидѣвшій рядомъ и слушавшій рассказъ доктора боевой капитанъ, что вы мягко ихъ встрѣтили и ласково заговорили. *Отъ ласки*, отъ мягкаго обращенія послѣ боевой тяжелой жизни *невольно текутъ слезы*; отъ ласки не можешь сдержаться и невольно плачешь. Вотъ я. Въ Манчжуріи почти два года. Приѣхалъ сюда на войну по собственному желанію. Сжился; свыкъся со всѣмъ. Нервы мои—канаты. А вотъ тоже послѣ Ляоянскаго боя, проведя въ продолженіе недѣли дни и ночи въ тревогѣ и ожиданіи смерти, *разнервничался*. Къ концу недѣли спать крѣпко не могъ: *все бредилъ и вскакивалъ съ постели*. Мнѣ казалось во снѣ, что идутъ бои, и мы то наступаемъ, то отступаемъ. А утромъ вставалъ съ тяжелой головой, весь *расшатанный и усталый*.

Чувствуя общее недомоганіе и жаръ во всемъ тѣлѣ, я пошелъ на пунктъ къ знакомому доктору. И встрѣтивъ его просилъ осмотрѣть—не боленъ ли я? Докторъ былъ добрякъ. Онъ посадилъ меня; сталъ спрашивать, что и какъ? и все такъ мягко и ласково. А я? Вдругъ ни съ того, ни сего *расплакался*, разрыдался, какъ баба. И какъ онъ меня ни просилъ, какъ ни уговаривалъ, я все плакалъ и плакалъ. Чѣмъ больше онъ былъ ласковъ и привѣтливъ, я плакалъ больше и сильнѣй.

И тутъ я почувствовалъ: скажи онъ мнѣ грубо, крикни, выругай, упрекни меня, я сразу бы остановился, и, кажется, капли бы слезы не выронилъ. Но эта мягкость и ласковость меня обезоружила, и я плакалъ... плакалъ... и слезы лились обильно...

Утомленіе. Тревожный сонъ.

Въ Ляоянскомъ бою и затѣмъ при отступленіи къ Мукдену не пришлось спать семь сутокъ, говорилъ капитанъ. И вотъ, когда мы пришли къ Мукдену, встали, и намъ объявили, что мы теперь можемъ отдохнуть свободно, я легъ. Однако, *несмотря на семисуточное недосытаніе, я не спалъ*. Я ворочался съ боку на бокъ, немного забывшись, вскорѣ открывалъ глаза, и сна не было. *Нервы*

мои были напряжены до послѣдней степени. Шумъ, стукъ, шорохъ, и я готовъ; сна нѣтъ. Послѣдующія ночи началъ спать лучше. Однако, все время сонъ тревожный и не крепкій.

Вставши утромъ, умоешься и сразу же начинаешь зѣвать. Чувствуешь все тѣло разбитымъ; чувствуешь *утомленіе и усталость*. Сонъ не возстановлявалъ силъ и не давалъ чувства бодрости и свѣжести.

Войска такъ же, какъ и я, провели семь сутокъ въ непрерывной боевой работѣ и безъ сна. Отступая отъ Ляояна къ Мукдену, они такъ же не имѣли времени отдохнуть, шли утомленные и измученные. Наконецъ достигли Мукдена и здѣсь стали лагеремъ. Войска получили возможность уснуть спокойно. Мнѣ въ эту ночь, какъ я сказалъ, не спалось. Сонъ бѣжалъ съ моихъ глазъ. Я часто зажигалъ свѣчу, закуривалъ, раздумывалъ, опять тушилъ огонь. Отъ скуки иногда выглядывалъ изъ палатки на лагерь и видѣлъ, что во многихъ палаткахъ такъ же горѣли огни, какъ и у меня. Среди солдатъ слышалъ покашливанія и глухіе разговоры. Видимо, не одинъ я не спалъ; *бессонница и безпокойство мучило многихъ*. Среди ночи, за полночь, вдругъ я слышу отдѣльный выстрѣлъ; я вскочилъ, зажегъ свѣчу и выглянулъ изъ палатки. Видѣлъ, какъ всюду замелькали огоньки въ офицерскихъ палаткахъ и поднялся гулъ среди спящихъ солдатъ. Значить, не одинъ я спалъ некрепко и чутко. Такъ же *некрепко спали и другіе*. Отдаленный глухой выстрѣлъ сразу разбудилъ почти всѣхъ. Слѣдовательно, и *все спали тревожно некрепко*.

Ночная паника.

Въ слѣдующую ночь, продолжалъ капитанъ, у нашего полка случилась паника, какъ только насталъ вечеръ; потемнѣло; лагерь вскорѣ замолкъ. Видимо, всѣ уснули. Не прошло 2-3 час. сна, должно быть *очень некрепко*, такъ какъ звукъ, похожій на выстрѣлъ пушки, сразу разбудилъ всѣхъ.

Невольно возникла въ головѣ мысль: «Непріятель подошелъ ночью незамѣтно и открылъ артилерійскій огонь»...

Всѣ вскочили. Солдаты въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, безъ сапогъ и шапки хватались за ружья и шли другъ на друга.

Взявъ ружье, какъ ходять въ нитки, наступали другъ на друга и усиленно всматривались—кто передъ нимъ: русскій или японецъ? Темно. Ничего не видно. Рассмотрѣть было трудно, но, размот-

рѣвъ кое какъ, что противъ него свой, русскій, а не японецъ, солдатъ со штыкомъ проскальзывалъ дальше впередъ и опять напрягалъ зрѣніе, разсматривая въ темнотѣ, кто передъ нимъ? Узналъ— русскій, еще впередъ и опять разсматриваніе.

Итакъ со штыкомъ въ рукахъ прошли другъ межъ другомъ и дошли до конца... Японца нѣтъ. Опомнились. Узнали, что *тревога напрасна* и что охватившій ихъ страхъ передъ возможностью внезапнаго ночнаго нападенія японцевъ былъ ложный, напрасный страхъ, то, что обычно называютъ паникой. Придя въ себя, солдаты только теперь замѣтили, что они были босы, въ одномъ бѣльѣ и безъ шапки. Плюнувъ отъ досады, вернулись спать.

Чѣмъ же была вызвана паника? Оказалось, ночью въ походной кухнѣ вымывали котелъ и нечаянно спустили крышку котла.

Звукъ захлопнувшейся крышки былъ принятъ за артилерійскій выстрѣлъ. И отъ этого звука, принятаго ночью, при тревожномъ снѣ, за пушечный выстрѣлъ, поднялась среди людей паника.

Разбитость.

Придя на отдыхъ послѣ пережитаго въ бою, говоритъ врачъ, всегда чувствуешь себя *разбитымъ и крайне утомленнымъ*. По тѣлу какъ бы летучій ревматизмъ—болитъ то тамъ, то здѣсь. И не то, чтобы болить, но рветъ, *щемитъ, ноетъ* и какъ то *неловко и не по себѣ*. Поднять руку или ногу—тяжело; при подвѣтін, а иногда и безъ подниманія *въ мускулахъ* замѣчается *вздрагиванія* и дрожаніе отдѣльныхъ группъ мышцъ.

Сухожильные рефлексы.

Сухожильные рефлексы, изслѣдуемые врачами для опредѣленія состоянія нервной системы, обычно бываютъ у здоровыхъ слабо выраженными, у лицъ же съ расшатанной нервной системой они повышаются. Такъ что знаніе о состояніи сухожильныхъ рефлексовъ врачамъ даетъ сужденіе о состояніи нервной системы. И вотъ наблюденіе врача: послѣ 3-хъ часового артилерійскаго огня мы благополучно вернулись на отдыхъ. Я какъ то случайно сидѣлъ, забросивъ нога на ногу, и также случайно ударилъ по пателлярному сухожилю (колѣнный рефлексъ). Послѣ удара у меня получилось не подпрыгиваніе ноги, какъ обыкновенно, но сразу *вытяженіе ноги съ мелкими подергиваніями*, какъ бы клонусъ (рѣзкое повышеніе сухожильнаго рефлекса). До этого времени подобнаго состоянія колѣнныхъ рефлексовъ никогда не бывало.

Головныя боли; нервность.

Капитанъ, участвовавшій во многихъ сраженіяхъ, получившій даже рану, отъ которой оправился, такъ описываетъ свое душевное состояніе послѣ атаки.

«Стараясь припомнить то, что было во время атаки, я могу представить только нѣсколько моментовъ; большая часть того, что было, не помнится. Помню, что рѣшивъ идти въ атаку, какъ мнѣ казалось, на вѣрную смерть, я не оглянулся назадъ, идутъ ли со мной тѣ 12 солдатъ, съ которыми я рѣшилъ идти, или нѣтъ. И только потомъ я узналъ, что они всѣ пошли за мной и ни одинъ не отсталъ. Говорятъ, но я не помню, что, бросившись въ окопы, я такъ храбро работалъ шашкой и вообще велъ себя настолько отважно, что люди называли меня настоящимъ героемъ. Говорятъ, что командуя я кричалъ настолько сильно, что звуки моего голоса ясно были слышны на нашей русской позиціи,—и этого ничего я не помню. Не помню, какъ я вырвался отъ японцевъ, насъ окружившихъ, и какъ я вернулся къ своимъ благополучно.

Съ этихъ поръ я сталъ особенно *нервнымъ, раздражительнымъ, обидчивымъ*, страдалъ *почти бессонницей*; былъ *плаксивъ*, страдалъ *головными болями*, и потомъ развились *припадки плача и судорогъ*, во время которыхъ я ничего не помнилъ, что бывало со мной».

Черезъ два мѣсяца.

Участникъ нѣсколькихъ боевъ штабсъ-капитанъ Р. въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, былъ въ битвѣ подъ Шахэ. Нашъ полкъ, говорилъ онъ, двинулся выбивать японцевъ изъ занятыхъ укрѣпленій. Однако, японскія укрѣпленія были такъ для нихъ выгодны, а для насъ неудобны, что мы попали подъ перекрестный огонь. Я шель впередъ со своей ротой, сжавъ ротъ и напрягая силы. Я не могъ командовать словами (при волненіяхъ *заикался*) и только показывалъ своими движеніями: руки, головы и др. Люди валились какъ снопы направо и налево, а мы все шли впередъ и впередъ. У меня было даже какое то повышенное ненормально-веселое состояніе. Я чему то улыбался и шель впередъ. Быть можетъ, то, что мы наступали, послѣ постоянныхъ отступленій, давало намъ силы чувствовать себя въ повышенно-веселомъ настроеніи. А, можетъ быть, что и другое—не знаю. Меня ранили (въ мягкія части бедра).

Я сразу не замѣтилъ своей раны. И только потомъ увидя на ногѣ кровь почувствовалъ, что я раненъ въ ногу. Рана въ общемъ пустячная.

Но съ этихъ поръ я, будучи вообще нервнымъ, окончательно *разнервничался*. Предъ глазами *неволью всплывали картины боя*, какъ люди падали и отъ боли кричали. Я не могъ сдерживать себя. *На глазахъ* появлялись *неволью слезы* и неволью текли. Я *не могъ быть въ обществѣ*. Какой либо посторонній вопросъ, неосторожный намекъ мнѣ казались обидными, и я плакалъ. Мнѣ было до боли въ душѣ *стыдно* показывать слезы передъ другими товарищами и солдатами и я избѣгалъ общества, оставаясь наединѣ.

Но и здѣсь, будучи наединѣ, слезы навертывались на глазахъ, и я плакалъ. Мнѣ было *чего то обидно* и стыдно. Обидно на себя, что я, несмотря на усилія, не могу удержаться отъ слезъ, и эта душевная обида выливалась тѣми же слезами.

Я долго крѣпился, но мои попытки укрѣпиться не помогли мнѣ. Я расклеился и *пошелъ полечиться какъ будто отъ полученной раны*, хотя, собственно говоря, она меня не беспокоила.

Для леченія отправили въ Хабаровскъ, гдѣ я жилъ раньше и гдѣ осталась моя жена и дѣти. Я встрѣтился со своими.

Жена очень хорошая особа, любящая и по характеру мягкая. Дѣти были всѣ здоровы. Семья была рада и я былъ радъ.

Однако не чувствовалъ я радости семейной. *Крикъ, шумъ, неожиданный звукъ* дѣйствовали на меня; *я весь вздрагивалъ*, и сердце мое усиленно билось.

Въ первый мѣсяцъ жизни въ семьѣ, если ночью заплачетъ ребенокъ, мнѣ покажется, что я на позиціи. Это крикъ раненаго. Я вскакиваю съ постели и озираюсь... Вновь засыпаю... И вновь мнѣ *лззутъ въ голову картины сражений*: солдаты и я идемъ... идемъ. Залпы орудій; крики раненыхъ... А на душѣ такъ тяжело... тяжело. Прошло два мѣсяца, какъ я пробылъ въ своей семьѣ. Рана совершенно зажила, а нервно я чувствую себя такимъ же, какъ и прежде.

Черезъ два мѣсяца, при разговорѣ объ его здоровьѣ все еще навертываются слезы. Въ желаніи скрыть ихъ онъ отворачивается въ сторону, порывисто встаетъ и ходить по комнатѣ взадъ и впередъ и дѣлаетъ дыхательныя движенія...

Слезы.

Врачъ Ш., совершенно здоровый, что называется съ крѣпкими нервами, шелъ на войну съ большой охотой и горѣлъ искреннимъ желаніемъ знать и испытать впечатлѣнія войны. И вотъ его желаніе исполнилось. Его опредѣлили врачомъ полка, который выступилъ противъ непріятеля. Сразу же полкъ попалъ въ крупное сраженіе. Въ обозъ, гдѣ находился врачъ, полетѣли учащенно шрапнели, разрываясь то тамъ, то здѣсь. Картина разрывающихся шрапнелей заинтересовала меня, говорилъ онъ, и я съ любопытствомъ прислушивался къ свисту и шуму снарядовъ и наблюдалъ, гдѣ и какъ они разрывались. Я нисколько не трусилъ и былъ совершенно спокоенъ.

Но, какъ только появились раненые и пришлось приступить къ перевязкамъ, сразу любознательность моя и спокойное созерцаніе картины разрывовъ смѣнилось тревогой и щемящей болью въ сердцѣ...

Семь часовъ пришлось стоять подъ артилерійскимъ огнемъ. Наступила ночь. Артилерія смолкла, и мы получили возможность двинуться назадъ.

Придя на отдыхъ, будучи въ полной безопасности, я вдругъ *ослабъ и истерически разрыдался. Слезы текли* невольно, *въ горло душило*; я сидѣлъ и всхлипывалъ... Дали ходной воды напиться; я выпилъ и постепенно успокоился...

Послѣ этого былъ еще въ нѣсколькихъ бояхъ, но послѣ нихъ... ни разу не плакалъ.

Скука.

По окончаніи боя обычно наступаетъ, такъ называемое, время отдыха. Времени много, а дѣлать нечего. И вотъ это время проводить всякъ по своему. Кто спитъ, лежитъ, перевертываясь съ боку на бокъ. Кто въ карты играетъ. Кто выпиваетъ. А кто просто проказничаетъ. Кто спитъ или лежитъ—другихъ не беспокоить. Кто играетъ въ карты, если и беспокоить другихъ, то меньше. Выпивающіе—бываетъ всяко. Но проказники, ввиду общей чувствительности къ крику, шуму, возможнымъ толчкамъ кровати, а отсюда и недовольства этимъ,—вызываютъ общее неудовольствіе.

Былъ въ полку только что выпущенный изъ юнкерскаго училища офицеръ. Онъ не пилъ и не игралъ въ карты и какъ молодой не чувствовалъ послѣ боя такой усталости, какъ люди пожилые.

Онъ былъ проказникъ на всѣ руки: бѣжать, кричать, ходить на голѣ, лазить по крышѣ... Что ты дѣлаешь, перестань, говорили другіе. А что прикажете дѣлать? Не шали. А что дѣлать? Вамъ скучно, вы лежите; другимъ скучно, въ карты играютъ, третьимъ скучно... выпиваютъ; мнѣ скучно и я веселюсь по всему.

Мнѣ думается, высказывалъ свое сужденіе боевой врачъ, что одна и та же причина—*томленіе духа, скука* и стремленіе перемѣнить это настроеніе сказывалось у однихъ побужденіемъ къ лежанію, у другихъ къ картамъ, у третьихъ къ выпивкѣ, у четвертыхъ къ проказамъ.

Казалось бы, лучшее развлеченіе разумная книга. Взялъ бы ее, раскрылъ и читалъ. Книжки были; времени много; читай сколько хочешь.

Однако, дѣло не такъ просто. Я самъ большой любитель чтенія и пить не пью, но читать не могъ. Возьмешь книгу въ руки, помотришь на нее, развернешь. Начнешь читать, но вскорѣ закроешь и бросишь. Книга кажется пустой и неинтересной; она не заинтересовываетъ и не захватываетъ. Читать ее скучно и тяжело. Надо постоянно напрягать и заставлять себя читать. А этой то *силы «заставить» и нѣтъ*. Невольно закроешь книжку, а самъ ближе къ кровати. Ляжешь, растянешься, укроешься потеплѣе и начинаешь дремать, мечтая о чемъ попало... Съ большимъ интересомъ читали лишь газету. Ждали новостей; ждали извѣстій, намъ близкихъ и насъ интересующихъ...

Общій абрисъ душевнаго состоянія воиновъ послѣ боя.

На основаніи приведенныхъ данныхъ итальянской военной литературы и нашихъ, объединяя отмѣчаемыя нарушенія психо-физиологическихъ функцій въ общее, безъ индивидуальныхъ отгѣнковъ, мы имѣемъ слѣдующій абрисъ душевнаго состоянія воиновъ послѣ боя.

Умъ. Придя съ боя, воинъ «молчитъ; на другихъ не глядитъ, на вопросы не отвѣчаетъ или отвѣчаетъ неохотно и вяло односложными отвѣтами. Смотритъ въ сторону, въ какую либо одну точку и вздыхаетъ. Окружающимъ не интересуется. Отмѣчается какъ бы умственное отупѣніе; неясность сознанія окружающаго и какъ бы сонливость.

Однако умственное отупѣніе и неясность сознанія, только по видимому кажущаяся, въ силу того, что умственный интересъ воина

послѣ боя—его вниманіе невольно сосредоточено еще на пережитыхъ впечатлѣніяхъ боя; онъ еще живетъ этими впечатлѣніями и послѣ боевыхъ впечатлѣній еще не захватываютъ его и не интересуютъ. Въ умѣ невольно встаютъ картины боя: кровь, убитые, раненые, движенія подѣ огнемъ, разрушительныя картины огня, наступленія, отступленія и т. п. Внѣшнія звуковыя впечатлѣнія нерѣдко вызываютъ звуковые обманы и принимаются за стрѣльбу изъ орудій, за крики и стоны умирающихъ...

Яркость боевыхъ впечатлѣній постепенно слабѣетъ; вниманіе освобождается отъ этихъ невольныхъ представленийъ и начинаетъ сосредоточиваться на окружающихъ явленіяхъ; воинъ начинаетъ носматривать на другихъ, начинаетъ отвѣчать на вопросы, начинаетъ разговаривать, интересоваться... Умственные способности проясняются какъ бы постепенно; возвращается самообладаніе, способность распознавать людей и предметы; появляется интересъ къ окружающимъ явленіямъ жизни.

Однако, въ ослабленномъ видѣ боевыя впечатлѣнія на долго остаются въ умѣ и при случаѣ всплываютъ яркими образами, что видно по сновидѣніямъ съ кошмарными картинами боя, угнетающими человѣка даже чрезъ много мѣсяцевъ послѣ него.

Чувства. Настроеніе духа у однихъ, по внѣшнему виду, безразличное, у другихъ удрученное. «Хмурый», не глядитъ, не отвѣчаетъ и только, глядя неподвижно въ какую либо точку, «глубоко вздыхаетъ».

Пережитыя въ бояхъ чувства, какъ и приведенныя выше впечатлѣнія, въ первые дни полоняютъ душу и переживаются ярко.

Пришедшій съ боя по виду «блѣдный», «съ широко открытыми глазами» сидитъ, не глядя на другихъ, и какъ будто о чемъ то думаетъ» (находится еще въ чувствѣ *страха*). Потомъ это чувство постепенно слабѣетъ, но при впечатлѣніяхъ, вызывающихъ его, обнаруживается съ большой силой и яркостью. Такъ, напримѣръ, при переключкѣ послѣ боя, при словахъ: «убить», «ранень»... отвѣчаютъ «отрывисто», страннымъ, глухимъ голосомъ или полнымъ молчаніемъ, при которомъ сердце охватывается холодомъ (переживанія *страха*). То же за обѣдомъ въ первые дни: «глаза невольно обращаются на пустыя мѣста», «говорятъ мало», «смотрятъ разсѣянно»... (переживанія *страха*...).

Переживанія чувства страха постепенно слабѣютъ, но они долго еще полоняютъ душу воина, проявляясь болѣе ярко во снѣ—въ кошмарныхъ сновидѣніяхъ, отъ которыхъ бойцы по ночамъ кричатъ

вскакиваютъ, озираясь кругомъ, склонны къ паникѣ, которая, какъ извѣстно чаще, всего и бываетъ по ночамъ послѣ боевъ.

На фонѣ общаго нервнаго состоянія и постепеннаго освобожденія отъ чувствъ, пережитыхъ въ бою, наблюдается у бойцовъ повышенная чувствительность, раздражительность, а отсюда ссоры и недоразумѣнія; недовольство, обидчивость, плаксивость, нерѣдко приступами ввидѣ истерики; скука; усталость.

Воля (поведеніе и дѣятельность). Пришедшій съ боя малопо-движенъ, стремится сѣсть гдѣ либо въ сторонѣ или лечь. Сидитъ, или лежитъ молча, не говоритъ, на вопросы не отвѣчаетъ, при стремленіи получить отвѣтъ раздражается. Неожиданно вздрагиваетъ, какъ бы чего пугаясь.

Въ окружающей жизни участія не принимаетъ; человѣкъ замкнулся, какъ бы самъ въ себя.

Въ первые дни не имѣетъ силъ представить и рассказать подробно, что съ нимъ было въ бою; не имѣетъ силъ заставить себя отвлечься отъ пережитаго—не думать о бывшемъ и интересоваться настоящей окружающей жизнью. Вниманіе какъ бы приковано къ картинамъ и переживаніямъ боя и ослаблено къ обычнымъ интересамъ; принудить себя къ какой либо работѣ, особенно умственной, не можетъ, напр., къ чтенію или письму.

Самообладаніе ослаблено; человѣкъ не можетъ сдержать себя отъ раздражительности, отъ ссоръ съ другими; не можетъ удержаться отъ слезъ, при выраженіи сочувствія къ положенію удержаніе отъ слезъ еще болѣе затруднено. Вообще воля, какъ [въ смыслѣ] поведенія и дѣятельности, такъ и въ смыслѣ самообладанія рѣзко ослаблена; бойцы сами сознаютъ это и передаютъ его словами «нервы мои потрепались».

Такое ослабленіе воли, будучи рѣзкимъ въ первые дни, постепенно возстанавливается. Определить время полнаго восстановленія пока не имѣется точныхъ данныхъ, но въ грубыхъ чертахъ можно принять этотъ срокъ около одной-двухъ недѣль; хотя полное восстановленіе силъ продолжается мѣсяцами.

Общее самочувствіе. Чувство усталости, утомленія, разбитости, ломоты, ноенія, истомленія, какой то неловкости во всемъ тѣлѣ. Невольное вздрагиваніе при неожиданностяхъ.

Быстро наступающая слабость при стремленіи къ работѣ. Томленіе въ груди, ноеніе; тяжелое дыханіе—«вздохи».

Аппетитъ. Въ первые дни почти полная потеря; въ слѣдующіе постепенное восстановленіе.

Сонъ. Не смотря на предыдущія безсонныя ночи, въ первыя ночи послѣ боевъ—безсонница или чуткій, тревожный сонъ съ кошмарными сновидѣніями, повторяющимися пережитыя картины боевой обстановки.

Люди видятъ во снѣ, какъ люди идутъ подь огнемъ, какъ они падаютъ, кричатъ отъ боли...

Посторонніе звуки принимаются во снѣ за звуки выстрѣловъ, за стоны и крики раненыхъ... И сны на столько ярки, что вызываютъ соотвѣтствующія переживанія: люди во снѣ кричатъ, вскакиваютъ съ постели, озираясь кругомъ, и не могутъ долго опомниться, гдѣ они. На звуки, принятыя во снѣ за звуки выстрѣловъ, люди просыпаются и, считая себя въ опасности, бросаются къ ружьямъ и стрѣляютъ—(ночныя паники).

Кошмарные сны, какъ послѣдствіе пережитаго въ бою, удерживаются сравнительно долго и иногда, когда уже самому бойцу казалось, что все пережитое прошло безслѣдно, время отъ времени напоминаютъ о бывшемъ.

Дѣя формы пораженія. Приведеннымъ абрисомъ душевнаго состоянія, какъ онъ рисуется въ общей массѣ, не передается, конечно, не только индивидуальныхъ отклоненій, но и общихъ подгруппировокъ, быть можетъ, типичныхъ самихъ въ себѣ, но теряющихъ особенности при общемъ описаніи.

Уже на основаніи краткихъ нашихъ данныхъ рисуется, что общій абрисъ душевнаго состоянія составляется по крайней мѣрѣ изъ двухъ подлежащихъ подраздѣленію—подгруппировокъ.

Въ одномъ подраздѣленіи—картина душевнаго состоянія можетъ быть опредѣлена, какъ преимущественное пораженіе *умственной сферы*, выражающееся въ «*отупѣніи*» съ *безразличнымъ настроеніемъ*. Пораженный этой формой проявляетъ: и неподвижность, и какъ бы сонливость, отсутствіе интереса къ окружающему, окружающихъ лицъ не узнаетъ. Настроеніе ни грустное, ни веселое—безразличное. Чувствуется необходимость отдыха.

Въ другомъ подраздѣленіи—пораженіе касается преимущественно *сферы чувствъ*. «Сидитъ блѣденъ, глаза широко открыты, глубоко вздыхаетъ» (яркія переживанія чувства). Плачь, иногда истерическія всхлипыванія. Чувство обиды. Неожиданныя вздрагиванія. Кошмарные сны. Нарушеніе общаго самочувствія.

Въ дѣйствительности чаще всего эти формы у однихъ и тѣхъ же лицъ смѣшаны и даютъ общую смѣшанную картину пораженія и умственной сферы, и сферы чувствъ.

Итакъ, «переживаемое» въ бояхъ наноситъ воину *душевную рану*, которая, рассматриваемая въ общемъ, нарушаетъ дѣятельность душевныхъ функцій: ума, чувства, воли, отражается на общемъ самочувствіи и измѣняетъ отправленія низшихъ чувствованій: сна, аппетита и др.

Анатомическая основа душевныхъ ранъ.

Говоря о душевныхъ раненіяхъ, мы понимаемъ душу, не какъ отвлеченное духовное начало, не имѣющее матеріальнаго основанія; нѣтъ. Душа или психика въ нашемъ пониманіи есть общее названіе функцій нервной ткани головного мозга. Переживаемое въ бояхъ «нравственными ударами» воздѣйствуетъ на нѣжныя нервныя ткани головного мозга «на подобіе ослѣпительнаго свѣта или оглушительнаго звука» (Сикорскій) ⁴⁾ и ранитъ ихъ. Это безкровное раненіе—*травматизація* ткани мозга «*переживаемымъ*» въ бояхъ даетъ въ итогѣ описанное нами нарушеніе душевной дѣятельности: ума, чувства и воли, какъ функцій коры головного мозга и измѣненіе сна, аппетита и общаго самочувствія, какъ функцій подкорковыхъ центровъ: средняго и продолговатаго мозга.

Аналогія душевныхъ раненій съ физическими.

Называя воздѣйствіе «переживаемаго» въ бояхъ на психику воина *раненіемъ*, мы тѣмъ самымъ проводимъ аналогію душевнаго раненія съ общеизвѣстнымъ физическимъ раненіемъ тѣла.

Аналогія душевныхъ ранъ съ ранами тѣлесными полная. Первое—при тѣлесныхъ раненіяхъ страдаетъ та или другая ткань: кожа, мускулы, кости, сосуды и др.; при душевныхъ ранахъ страдаетъ тоже ткань: ткань самая нѣжная—нервно-мозговая. Второе—при физическихъ раненіяхъ наступаетъ, вслѣдствіе нарушенія тканей, разстройство тѣхъ или иныхъ функцій; человекъ не двигаетъ рукой, ногой, головой и т. п.; при душевныхъ раненіяхъ, вслѣдствіе нарушенія ткани мозга, страдаютъ функціи ума, чувства, воли и низшей инстинктивной жизни. Третье—при физическихъ раненіяхъ по заживленіи ранъ восстанавливаются и тѣлесныя нарушенныя функціи, и при душевныхъ ранахъ по заживленіи душевныхъ раненій восстанавливается нарушенная душевная дѣятельность: ума, чувства, воли и др.

И разница лишь та, что физическія раненія видимы міру и,

⁴⁾ Проф. Сикорскій. «Основы психіатріи». 1910 г. Кіевъ.

какъ полученныя при исполненіи долга, почитаемы; душевныя же раненія, хотя и получены при исполненіи того же долга, но не видимы міру, а потому и отрицаемы.

Физическими раненіями, полученными въ бояхъ, внѣ страданій отъ нихъ, гордятся; психическихъ же, полученныхъ тамъ же и причиняющихъ глубокія страданія, обычно стыдятся.

Утомленіе и душевныя потрясенія, какъ главныя причины душевныхъ ранъ въ бою.

Говоря о физическихъ ранахъ, мы знаемъ, что при внѣшнемъ и даже внутреннемъ механическомъ, термическомъ или химическомъ воздѣйствіи, превышающемъ силу сопротивленія нашихъ тканей организма,—получаются физическія раны.

Какія же вредоносныя причины воздѣйствуютъ на нервную ткань головного мозга, давая душевныя раны?

Въ предыдущемъ изложеніи мы называли эти вредныя причины неопредѣленнымъ терминомъ: «*переживаемое въ бояхъ*». Что же особенное человѣкъ-воинъ переживаетъ въ бояхъ и почему это «переживаемое» вредно?

Утомленіе. Жизнь наша есть непрерывная работа и трудъ. Хотя трудъ важенъ и необходимъ для сохраненія нервно-психическаго здоровья вообще, съ одной стороны, но съ другой, *трудъ чрезмѣрный и неправильный*, какимъ является по преимуществу военно-боевой трудъ, является однимъ изъ самыхъ главныхъ условій нарушенія здоровья и разстройства нервной системы.

Разрушительное дѣйствіе на нервную систему производится всѣми видами труда: *физическаго, умственнаго и работы чувствъ*.

Во всѣхъ формахъ труда нервная система является весьма существеннымъ рабочимъ органомъ, и вредъ неправильнаго труда болѣе всего отражается на нервной системѣ.

Касательно утомительности физическаго (мышечнаго) труда существуютъ безспорныя физиологическія опыты, наблюденія и доказательства. Существуютъ наблюденія объ утомительности умственнаго труда и актовъ воли (Крепелинъ), а «работа нравственная, связанная съ особеннымъ напряженіемъ чувства, не только утомительна, но по временамъ можетъ быть крайне разрушительна для здоровья» (Сикорскій). Такимъ образомъ всѣ виды

чрезмѣрной психической работы и психическаго напряженія могутъ быть утомительны и приводятъ къ нарушенію нервно-психическаго здоровья.

Работа, какъ выраженіе дѣятельности организма, всегда соединена какъ съ потребленіемъ питательнаго матеріала, такъ и съ выдѣленіемъ отработавшихъ продуктовъ. Отработавшіе продукты всякаго рода тканей имѣютъ свойства эндогенныхъ (*внутреннихъ*) ядовъ и должны быть удалены изъ организма. Чѣмъ болѣе продолжительна и напряженна работа, какъ обмѣнъ и бываетъ при боевыхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе великъ обмѣнъ веществъ и тѣмъ болѣе негодныхъ для жизни продуктовъ накапливается въ тканяхъ. Слѣдовательно, всякая работа, а въ особенности чрезмѣрная, приводитъ къ *самоотравленію* организма. Это самоотравленіе называется *утомленіемъ*, а отработавшіе продукты *утомляющими* веществами.

А такъ какъ нервная ткань больше, чѣмъ всякая другая ткань въ организмѣ, совершаетъ сложнѣйшую работу и по конструкціи своей наиболѣе нѣжная и хрупкая, то *утомленіе* ея отъ накопленія отработавшихъ продуктовъ (ядовъ утомленія) угрожаетъ ей болѣе, нежели всякой другой ткани. ⁵⁾

Въ организмѣ существуетъ, однако, много приспособленій для охраненія отъ разрушительнаго дѣйствія ядовъ утомленія. Таковы: 1) выдѣлительные органы: легкія, почки, потовыя железы и др., дѣятельность которыхъ состоитъ въ непрерывномъ удаленіи изъ организма накопившихся работныхъ ядовъ. 2) Рядъ железъ и органовъ, которые вырабатываютъ особые животворные соки, противо-дѣйствующіе ядамъ утомленія. Напримѣръ, сокъ, вырабатываемый надпочечной железой, устраняетъ чувство утомленія и возвращаетъ бодрость. 3) Приспособленіемъ организма, по отношенію къ вредному вліянію работы, является достаточный *сонъ* и пріостановка работы на 24 часа въ продолженіи недѣли (Сикорскій). Благодаря тремъ указаннымъ пріемамъ, т. е.: 1) неусыпному дѣйствію *выдѣлительныхъ* органовъ, 2) *сокамъ* желѣзъ внутренняго выдѣленія и 3) *перерыву работы* на нѣсколько часовъ ежедневно (ночной сонъ) и перерыву на цѣлыя сутки по истеченіи шести рабочихъ дней, — возможно и достижимо охраненіе нервной ткани отъ самоотравленія.

⁵⁾ *Leitenstorfen* различаетъ слѣдующія *формы утомленія*: 1) чисто мышечное, 2) сердечное, 3) легочное. 4) *истинное или нервное* и 5) невралгія усталости. Руководство по военной гигиенѣ проф. *Нотманъ*, стр. 365.

А такъ какъ на войнѣ, въ условіяхъ боя, при крайне напряженной работѣ физической, умственной и работѣ переживаній (чувствъ), продолжающейся иногда непрерывно въ продолженіе 2—3 недѣль, не можетъ быть рѣчи не только о суточномъ отдыхѣ, но и объ обыкновенномъ снѣ, хотя бы на нѣсколько часовъ, то естественно при недостаточномъ питаніи, при тяжелыхъ условіяхъ бивачной жизни *отравленіе* организма вообще и *нервной ткани* въ особенности *работными ядами* (ядами *утомленія*) несомнѣнно существуетъ. Самоотравленіе ядами утомленія есть фактъ, неподлежащій сомнѣнію.

Итакъ, *первая причина* душевныхъ ранъ воиновъ послѣ боевъ есть *самоотравленіе* организма воиновъ и въ частности ихъ *нервной ткани* головного мозга *ядами утомленія* (работными ядами).

Какъ выраженіе нарушеній психической дѣятельности отъ самоотравленія ядами утомленія, въ картинѣ душевныхъ страданій послѣ боевъ мы всегда наблюдаемъ: «усталость», «утомленіе», «стремленіе лежать», «не говорить», «не слушать», «не двигаться»; «капризность», «раздраженіе...»

Душевныя потрясенія.

Работа чувствъ проявляется въ трехъ формахъ: 1) медленное длительное *настроеніе* духа, 2) быстро наступающее *волненіе* и 3) *внезапно наступающее сильнѣйшее чувство*.

Чувство не есть процессъ чисто духовный, не имѣющій матеріальной основы, нѣтъ. Чувство тѣсно связано съ жизненными процессами въ нашемъ организмѣ: съ дыханіемъ, кровообращеніемъ, сердечной дѣятельностью, съ дѣятельностью секреторныхъ органовъ и др., а потому то или другое переживаемое чувство ведетъ за собою неминуемо измѣненіе обмѣна веществъ, то въ благопріятномъ, то во враждебномъ для организма смыслѣ.

Поэтому есть чувства, повышающія жизнедѣятельность, дающія жизнерадостность, энергію и силу (напримѣръ, радость, гнѣвъ), есть чувства, угнетающія жизнедѣятельность, ослабляющія энергію (печаль, страхъ, тоска, разочарованіе).

Въ случаѣ *внезапныхъ* сильныхъ чувствъ воздѣйствіе на общій обмѣнъ веществъ, на сердце, дыханіе, кровонаполненіе и др. бываетъ настолько сильнымъ, что оно иногда становится убійственнымъ для здоровья (смерть при сильныхъ душевныхъ волшеніяхъ).

И человѣческій языкъ называетъ эти перемѣны словами: *ударъ*, *потрясеніе*.

Переживанія угнетающихъ чувствъ, какъ вообще всякая работа, утомляютъ человѣка.

Особенность душевныхъ потрясеній состоитъ въ томъ, что они не только утомляютъ, они глубоко измѣняютъ функции дыханія, кровообращенія, обмѣна веществъ, секрецію внутреннихъ железъ, трофическія функции, питаніе, сонъ и др. (Сикорскій).

Если при работѣ вообще выделяющіеся яды утомленія *отравляютъ* ткани организма и особенно нервной системы, то здѣсь при душевныхъ потрясеніяхъ мы должны предположить не только самоотравленіе (работными ядами), но, по преимуществу, какъ бы *ломку* тѣхъ тонкихъ приборовъ дыханія, кровообращенія, обмѣна веществъ и др., съ которыми чувства тѣсно связаны.

Боецъ, придя съ боя, сядетъ куда-либо въ сторону и сидитъ «молча»; «глаза широко открыты»; самъ «онъ блѣдный» (спазмъ сосудовъ), «глубоко вздыхаетъ» (неправильное дыханіе), «не ѣсть» (нарушеніе питанія), «не спитъ» (нарушеніе сна). Такими штрихами описываются измѣненія функций организма, произведенныя душевными потрясеніями.

Въ сложной картинѣ *душевнаго потрясенія* необходимо различать: 1) дѣйствіе полученнаго впечатлѣнія на умъ и 2) дѣйствіе на *чувство*.

Такимъ образомъ, душевный ударъ или потрясеніе, говоря о дѣйствіи на мозгъ, локализуется въ мозгу двояко: въ центрахъ *воспріятій* (кора головного мозга) и въ *подкорковыхъ центрахъ* (т. е. въ среднемъ мозгѣ, въ продолговатомъ, въ трофическихъ центрахъ и узлахъ).

Какъ выражается внесенное потрясеніемъ раздраженіе въ сферу мозга?

I. Въ подкорковыхъ центрахъ: *пораженіе инстинктивной и низшей нервно-психической жизни* соединено съ утратой сна, аппетита, съ нарушеніемъ обмѣна веществъ и съ появленіемъ множества ненормальныхъ ощущеній въ сферѣ общаго чувства. У лицъ, пришедшихъ съ боя, мы и наблюдаемъ эти измѣненія: нарушеніе сна, аппетита, утомленіе, разбитость, ломоту, ноеніе, неловкость во всемъ тѣлѣ и т. п.

II. Второе мѣсто занимаютъ многочисленные симптомы и расстройства въ сферѣ элементарныхъ чувствъ: страха (пугливость), гнѣва (раздражительность), упадка духа (виновность), печали, слезъ (дурное расположеніе духа).

Все это наблюдаемъ также у бойцовъ, вернувшихся съ боя.

III. Третью группу выраженія душевныхъ потрясеній составляютъ *вышія психическія явленія*. Они состоятъ въ неусыпномъ возбужденіи, которое томить человѣка, не оставляя его ни на минуту, непрерывно наполняя его заботами, опасеніями, тревогами и въ особенности томительной неустанной работой вниманія, не дающей отдыха.

«Вниманіе воина послѣ боя невольно сосредоточено на пережитыхъ впечатлѣніяхъ; онъ живетъ этими впечатлѣніями. Въ умѣ невольно встаютъ картины боя: кровь, убитые, раненые, движенія подъ огнемъ, разрушительныя картины огня и т. п.

Вышія звуковыя впечатлѣнія нерѣдко вызываютъ звуковые обманы и принимаются за стрѣльбу изъ орудій, за крики и стоны умирающихъ». Въ подобно приведенному выражается у воиновъ потрясеніе въ высшихъ психическихъ функціяхъ.

Такимъ образомъ, душевныя потрясенія способны вызвать: 1) серію неврозовъ чувствительнаго и двигательнаго характера, 2) разстройство элементарныхъ чувствъ и 3) извращеніе психической работы съ нарушеніемъ силы и тонкости ея.

Всѣ три эффека, объединенные между собой, даютъ картину ущерба и *разрома души* въ ея сознательной и бессознательной сферахъ (Сикорскій).

Итакъ, обѣ причины утомленіе и душевное потрясеніе дѣйствуютъ на нервную ткань и главнымъ образомъ ткань головного мозга, въ результатѣ нарушенія котораго мы и наблюдаемъ картину душевныхъ ранъ послѣ боевъ.

Хотя *утомленіе* (переутомленіе) и *душевное потрясеніе* при-сущи боевой обстановкѣ, но думать, что каждый вернувшійся съ боя непременно въ высшей степени переутомленъ или непременно душевно потрясенъ, было бы неправильнымъ.

Несомнѣнно вернушіеся изъ боя одни есть по преимуществу переутомленныя (отравленные работнымъ ядомъ), другіе по преимуществу душевно-потрясенные (съ разстройствомъ сна, аппетита, общаго самочувствія и ума, чувства и воли), третьи поражены какъ той, такъ и другой причиной, страданіе ихъ комбинированное, четвертые—несомнѣнно найдутся и такіе, которые и неусталые и непотрясенные въ силу ли своей природной крѣпкой организаціи, или же въ силу счастливыхъ обстоятельствъ въ боевой обстановкѣ, не отозвавшейся ни чрезмѣрной работой, ни ду-

шевыми потрясеніями, пятое—тѣ, у которыхъ «пережитое» въ бою вызвало потрясеніе нервно-психическаго здоровья до степени тяжелой болѣзни (заболѣвшіе).

Поэтому, когда мы говоримъ о душевномъ состояніи послѣ боевъ и говоримъ о душевныхъ ранахъ у бойцовъ, то говоримъ по преимуществу о тѣхъ, которые представляютъ несомнѣнные признаки или отравленія *ядами* усталости, описанные выше (работными ядами), или признаки перенесенныхъ душевныхъ потрясеній *съ разстройствами какъ высшей, такъ и низшей психической дѣятельности.*

Аналогія причинъ душевныхъ раненій съ физическими.

Касаясь аналогіи ранъ тѣлесныхъ и душевныхъ, мы видѣли, что аналогія была полная.

Что касается причинъ раненій, то причиною раненій тѣлесныхъ ранъ являются, какъ извѣстно, механическія, термическія и химическія воздѣйствія, превышающія силу сопротивленія тканей нашего организма.

При разсмотрѣніи причинъ душевныхъ ранъ мы отмѣтили какъ причину *утомленіе*, которое есть *внутренній* работный *ядъ*, появляющійся въ организмъ, только не извнѣ, а изнутри, какъ продуктъ работы, и дѣйствующій на нѣжную нервную ткань головного мозга, превышая силу сопротивленія ея. Слѣдовательно, эта причина душевныхъ раненій ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ причинъ физическихъ раненій,—это есть какъ бы причина химическая—отравленіе, но только не ядомъ, принятымъ извнѣ, а ядомъ, выработавшемся внутри, въ организмъ при переутомленіи въ тяжелыхъ условіяхъ боевой обстановки.

Душевные потрясенія—есть какъ бы механическіе *удары, ушибы* по нервному веществу головного мозга, какъ матеріальному субстрату высшей и низшей психической дѣятельности, но ушибы не грубые, прямые матеріальные, а ушибы посредственные чрезъ «тяжелыя впечатлѣнія» на высшую психику и на разстройства функцій инстинктивной жизни: сна, аппетита, разстройствъ сердечной дѣятельности, дыханія и т. п.

Но, какъ сами удары, такъ и причиняемая ими душевные раны въ видѣ разстройствъ душевной дѣятельности—внѣ сомнѣній.

Итакъ, «переживаемое» (бойцами) въ современныхъ бояхъ, продолжающихся иногда безъ перерыва двѣ-три недѣли, отражается опредѣленнымъ образомъ на нервно-психическомъ здоровьѣ воиновъ.

Душевное состояніе воиновъ послѣ боевъ (ихъ нервно-психическое здоровье), сравнительно съ прежнимъ, представляетъ опредѣленные отклоненія въ высшей психической дѣятельности—въ сферѣ: ума, чувства и воли и низшей инстинктивной—въ нарушеніи сна, аппетита, функцій дыханія, кровообращенія и общаго самочувствія (описанныхъ выше).

Въ общей картинѣ ослабленія нервно-психическаго здоровья можно различать, главнымъ образомъ, двѣ формы: одну форму преимущественнаго пораженія умственной сферы и выражающейся «отупѣніемъ» и другую форму преимущественнаго пораженія сферы чувствъ съ характеромъ «ажитации». Въ большинствѣ же случаевъ картина ослабленія здоровья представляетъ смѣсь той и другой формы.

Степень ослабленія нервно-психическаго здоровья отъ «переживаемаго» въ бою у разныхъ лицъ разна; у однихъ ослабленіе едва замѣтное, у большинства ясно выраженное и у нѣкоторыхъ достигаетъ той степени, когда говорятъ уже о болѣзни.

Бой, какъ совокупность тяжелыхъ условій военно-боевой дѣятельности, дѣйствуетъ на здоровье человѣка многими вредными причинами; но среди многихъ главными являются 1) *переутомленіе*, какъ результатъ самоотравленія мозга работными ядами (при недостаточности питанія, сна и отдыха) и 2) *душевные потрясенія*, какъ психическіе удары или ушибы по тончайшему механизму нервнаго вещества мозга, какъ матеріальнаго субстрата высшей и низшей психической дѣятельности.

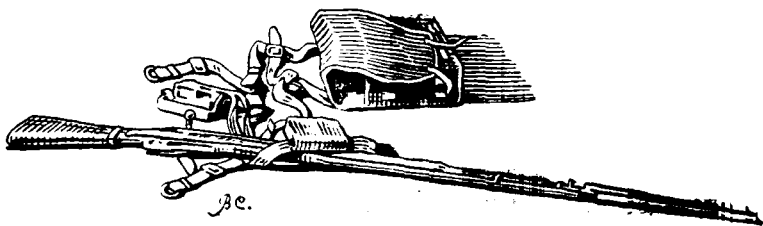
Такимъ образомъ, работные яды и душевные потрясенія есть какъ бы тѣ металлы, свинецъ и желѣзо, которые наносятъ бойцамъ душевные раны съ опредѣленнымъ разстройствомъ нервно-психическихъ функцій.

Душевные раны очень часто наблюдаются у лицъ, получившихъ тѣлесныя раны.

Обычнымъ и лучшимъ способомъ врачеванія душевныхъ ранъ, полученныхъ въ бояхъ, является, при условіи безопасности и при усиленномъ питаніи, отдыхъ.

При явленіяхъ переутомленія помимо отдыха рекомендуютъ и врачебныя средства «антикенотоксинъ» (Weichardt) ⁶⁾ и сокъ надпочечной железы (Сикорскій). ⁷⁾

Д-ръ Т. Э. Шумковъ.

⁷⁾ Prof. Hoffmann. «Руководство по военной гигиенѣ», пер. съ нѣмецкаго, 1912, стр. 359.

⁸⁾ Проф. Сикорскій. «Основы психіатріи», 1910 г., стр. 390.
„В. Сб.“ № 11, 1914.